

0-785066

Тверской государственный университет

На правах рукописи

БАБКОВСКАЯ Ксения Викторовна

**РУССКАЯ СКАЗКА XIX—XXI ВЕКОВ:
НАРОДНАЯ — НАИВНАЯ — МАССОВАЯ — ЛИТЕРАТУРНАЯ
НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК ТВЕРСКОГО КРАЯ**

Специальности: 10.01.01 — русская литература
10.01.09 — фольклористика

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ТВЕРЬ 2010

222281

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета

Научный руководитель

доктор филологических наук профессор М. В. Строганов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор А. В. Кулагин

кандидат филологических наук доцент Е. М. Белецкая

Ведущая организация Орловский государственный университет

Защита состоится «14» апреля 2010 года в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тверском государственном университете (170002, Тверь, пр. Чайковского, 70).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета (170000, Тверь, ул. Володарского, 44а).

Автореферат разослан « _____ » 2010 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680985

С. Ю. Николаева

Общая характеристика работы

Современная наука определяет жанр сказки как «один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантурного или бытового характера с установкой на вымысел». Но это определение представляется достаточно размытым и условным. Хотя сказка во всех ее проявлениях достаточно изучена в мировой фольклористике и литературоведении, ее четкая научная идентификация отсутствует до сих пор. Одной из причин является восприятие сказки как чего-то привычного и знакомого с детства. Хотя достоверно известно, что сказка бытовала еще в Древней Руси, она до сих пор остается вещью в себе. При этом границы ее расширяются. Традиционная народная сказка, описанная В. Я. Проппом, уходит в прошлое, на ее место заступает сказка постфольклора, наивного творчества, массовой литературы. Сказка освоила современные средства коммуникации: телевидение, Интернет. Структура и герои сказки эксплуатируются в современном мире с целью воздействия на социум, например, при организации культурно-массовых мероприятий, в рекламных текстах. Квинтэссенцией сказочного опыта предстают авторские произведения.

Задача записывать и изучать сказку осмыслена лишь в конце XVIII – начале XIX в., когда была осознана роль народного творчества в создании национальной литературы и истории, в познании национального характера. Первоначально региональный компонент поглощался общерусским началом, на что указывали и названия изданий сказок А. Н. Афанасьева, А. М. Смирнова-Кутаческого и других. Словосочетание *тверская (народная) сказка* как некое понятие появилось лишь в 1997 г. как заглавие издания, включающего 9 сказок уроженца Рамешковского района Тверской области П. И. Акулова – рассказчика, собирателя и автора в одном лице. Эта книжка оказалась первым шагом в попытке идентифицировать тверскую народную сказку как региональную. Небольшой по объему сборник Акулова явился предвестником полноцветного издания в 1999 и 2002 гг. тверской народной прозы в двух книгах «Золотые зерна». В него вошли записи фольклорных экспедиций Калининского пединститута (позже ТвГУ) и материалы Государственного архива Тверской области (ГАТО). Потребность выделения тверских сказок из общерусского массива явилась отражением общероссийских тенденций. И относится это в большей степени к последней четверти XX в., когда были опубликованы многие сборники фольклора различных областей России. Определенной тенденцией становится стремление каждого региона к самоосмыслению, обособлению, что проявляется в выделении специфических признаков той или иной области, создании отличительных элементов культуры.

Общерусские свойства в качестве базовой составляющей проявляются в сюжетах, мотивах, а местные — в избирательности сюжетов, своеоб-

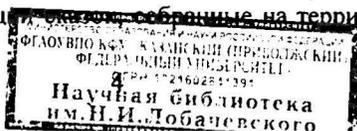
разии репертуара. Когда речь заходит о региональном фольклоре, внимание уделяется именно вариантам сказок (И. А. Разумова). В разграничении областных версий имеют значение топонимы, бытовые детали, последовательность и специфика соединения сюжетов, мотивов, контаминация различных типов сказок. Локальная специфика обнаруживается и в языке. Но локально-региональные и народно-общерусские начала образуют единство, и все процессы внутри областной сказки можно экстраполировать на русскую сказку вообще. В частности, в последнее десятилетие, усвоив опыт фольклора, на первый план вышла авторская региональная сказка, яркими образцами которой являются произведения Г. Лагздынь, Е. Клюева, А. Клюшиной, Е. Мичуриной и других авторов.

Актуальность и научная новизна исследования. Исследование представляет собой попытку впервые проследить эволюцию сказки: от ранних, зафиксированных на бумаге текстов до современных виртуальных Интернет-текстов.

Цели и задачи, методика исследования. Целью данной работы является исследование процессов становления и развития сказки Тверского края XIX—XXI вв. как одного из жанров русской литературы и в ее отношении к сказкам других субъектов Российской Федерации. В качестве критериев анализа мы соотносим понятия общерусского и регионального, разграничиваем народную, наивную, массовую, литературную сказки. Что касается литературной сказки, мы не прослеживаем ее эволюцию на протяжении веков по причине отсутствия авторов-сказочников. Интерес к литературной сказке как жанру на региональной почве проявился лишь в конце XX — начале XXI в. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. А. Крылова мы не учитываем, так как они выходят за пределы региональной литературы и хорошо изучены литературоведами. XIX век в нашем исследовании представлен именами С. Дрожжина и М. Козырева. Но они не были сказочниками по преимуществу, в их наследии всего один-два сказочных текста. Так что наше внимание сосредоточено на произведениях современных авторов: Г. Лагздынь, Е. Клюева, О. Козловой, А. Клюшиной.

В зависимости от поставленных задач в работе используются следующие методы исследования: описательный метод с его приемами систематизации, обобщения и оценки фактического материала; сопоставительный метод, заключающийся в анализе и сравнении тверских вариантов записей с общерусскими. Использование сравнительно-исторического метода обусловлено тем, что сказка представляет собой полистадиальное явление, в котором нашли отражение несколько исторических фаз и которые формировались в широком контексте всей национальной традиции при тесных контактах с другими жанрами словесности. При этом сказка сохраняет стабильную структуру.

Источниковедческая база исследования. Материалом для исследования послужили публикации в сборнике на территории Тверской

области в различных изданиях, неопубликованные материалы из архивных фондов: ГАТО (Государственный архив Тверской области), ТГА (Тверской городской архив), архив ТвГУ (Тверской государственный университет); сказки тверских авторов.

Общетеоретической и общеметодологической основой исследования являются труды по общей теории фольклористики и специфике сказочного жанра В. П. Аникина, М. К. Азадовского, С. Ю. Неклюдова, Э. В. Померанцевой, В. Я. Проппа, Ю. М. Соколова. Кроме того, учитываются идеи региональной специфики жанров в исследованиях К. В. Чистова, Б. Н. Путилова, В. И. Чичерова, Т. Г. Ивановой, И. А. Разумовой, а также сопоставительные исследования литературы и фольклора как двух типов словесности и исторической поэтики: Ф. И. Буслаева, Д. Н. Медриша, М. В. Строганова. Так как первоисточник сказки лежит во временах языческих, то методологическую основу нашей работы также дополнили труды, посвященные славянской мифологии А. Н. Афанасьева, С. В. Максимова, Б. А. Рыбакова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорные сказки Тверского края XIX—XXI вв. являются типичным явлением для всей русской фольклорной традиции.
2. Выявленная архивная запись «Сказания о Ерше Ершеве, сыне Щетинове», содержащая дополнительные сюжетные подробности и региональные особенности, представляет собой очередную фольклорную версию этого памятника древней литературы.
3. Эволюция тверской сказки отражает характерные процессы развития русского повествовательного фольклора в XIX—XXI вв.
4. Личность и творчество П. И. Акулова представляют собой репрезентативное явление в эволюции русской сказки XX века, прошедшей путь от классических фольклорных форм и наивного творчества к литературной сказке и постфольклору.
5. Современная тверская авторская сказка в различных ее изводах: литературная, наивная, самодеятельная и др., — развивается в русле общих тенденций современной русской словесности.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении и углублении научных представлений о понятии *региональная сказка*, в исследовании соотношения общерусского и локального в истории фольклористики, определении границ соответствия наивного творчества, с одной стороны, и литературной сказки, — с другой.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов при чтении вузовских лекционных курсов по литературному краеведению, фольклористике, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по тематике диссертации, а также при составлении региональных сборников фольклорных текстов и аннотаций к изданиям отдельных авторов сказок.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы ТвГУ, излагались автором в докладах и сообщениях на международных, всероссийских, межрегиональных и межвузовских конференциях: Детская литература и воспитание (Тверь, 12—4мая 2005 г.); Мир детства и литература (Тверь, 24—25октября 2007 г.); Поспеловские чтения (Москва, 21—22 декабря 2007 г.); Тверское фольклорное поле — 2007 (Тверь, 29 февраля 2008 г.); Тверское фольклорное поле — 2008 (Тверь, 27 февраля 2009 г.); Тверское фольклорное поле — 2009 (Тверь, 16 апреля 2010 г.).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии (список использованной литературы включает 252 наименования) и Приложений, которые иллюстрируют и дополняют некоторые положения основной части. Общий объем исследования 208 страниц.

Основное содержание работы

Во *Введении* обосновывается актуальность темы, степень ее изученности, определяется научная новизна диссертации, цели, задачи и методы; формулируются методологические и теоретико-литературные принципы анализа, раскрывается практическая значимость работы.

В первой главе *«История собирания и изучения народных сказок Тверского края»* определяется источниковедческая база, рассматриваются этапы в собирании тверских сказок.

Раздел I *«Сказка Тверского края в до-собирательский период»* посвящен определению степени изученности сказок Тверского края и обоснованию причин, по которым сказки до XIX в. не фиксировались. Тверские сказки менее изучены по сравнению, например, со сказками Русского Севера и Сибири. Одна из причин малой исследованности всех жанров тверского фольклора в целом состоит в непосредственной близости региона к столицам. Темпы разрушения традиционной культуры на территории Тверской земли гораздо выше, чем в других регионах России, хотя и ниже, чем в Московской области. Причиной недостаточности сведений о сказке можно считать то, что наука о народном творчестве появилась лишь в XIX в. и записывать традиционную народную сказку начали уже в период, когда она стала разрушаться (В. Я. Пропп), то есть перестала быть непрерывным атрибутом повседневной жизни. Препятствием на пути к освоению сказки был и церковный характер древнерусской книжности: произведение народной поэзии, сложившиеся в дохристианский период, считались хранилищем язычества и подвергались гонению наряду с еретическими книгами.

Другой причиной, препятствующей письменному распространению фольклорных сказок, была крепостная зависимость народа. К тому же деревенское население вплоть до XX в. было практически повсеместно без-

грамотным. Когда же сказки стали собирать и фиксировать, они долго публиковались не в своем исконном виде. Например, в сборнике В. А. Левшина «Русские сказки...» (1780-е), в котором напечатаны в основном переложения европейских романов, опубликованы и три подлинно народные русские сказки (разумеется, совсем не аутентичные). Однако именно эти произведения вызвали резкий протест как незамысловатые мужицкие сказки. Таким образом, читающая дворянская публика не считала народные сказки достойными публикации. Вместе с тем постоянно печатались пересказы переводных повестей, хотя о сказочном характере этих произведений ученые спорят до сих пор.

Раздел 2 «Собирательская и исследовательская работа в XIX веке» посвящен истории начального этапа фиксации тверской сказки. Ранние записи сказок не воспринимались самостоятельным фольклорным источником и часто служили иллюстративным целям, и первая по времени фиксации запись сказки «Надзей, папов унук» (Этнографический сборник. 1853) была напечатана в качестве примера местного говора. Систематическое собирание русских сказок в XIX в., в том числе тверских, началось в рамках общерусской этнографической работы, т. е. с исследования регионов в целом. Первым изданием, в которое вошли несколько тверских текстов (8 анекдотов, 2 легенды, 1 предание, 2 небылицы, 2 прибаутки и 12 сказок), был сборник А. Н. Афанасьева. Он классифицировал народную прозу, выделив в качестве отдельных типов сказки о животных, волшебные, социально-бытовые, анекдоты и легенды; в его сборнике тексты представлены в различных вариантах. Это была в России первая попытка научного осмысления фольклора. Однако с современных позиций текстологическая работа А. Н. Афанасьева была далеко не безупречной, а подчас даже ошибочной, поскольку он намеренно удалял и менял местами отдельные компоненты текста. С другой стороны, в примечаниях к некоторым сказкам А. Н. Афанасьев указывал не только губернию, но приводил и более точное место записи. Так, известно, что некоторые сказки были записаны в Новоторжском и Ржевском уездах, хотя сюжеты их, как правило, широко распространены по всей России. Среди тверских записей, вошедших в издание А. Н. Афанасьева, есть и знаменитая сказка «Лиса и журавль», сюжет которой известен еще античности как басня Эзопа «Лиса и аист». Но в русской традиции «родиной» этой сказки можно считать Тверскую губернию, так как количество известных вариантов по России в целом очень немногочисленно. Не все сказки для своего сборника А. Н. Афанасьев собирал сам, в разных губерниях у него были помощники. Так, например, три тверских текста: «Сказка про одного однобокого барана», «Шут» и «Поп, попадья, дьякон и работник» (сборник «Заветные сказки») — записаны И. И. Лажечниковым, который был тверским вице-губернатором и по роду своей службы много ездил по губернии. Сказки включены в сборник с сохранением некоторых фонетических и лексических особенностей, на осно-

вании анализа которых мы можем предположить, что тексты этих сказок были записаны в уездах, где был распространен южнорусский говор. В настоящее время это Бельский, Нелидовский и частично Оленинский районы Тверской области. Но в XIX в. эти земли входили в состав Смоленской губернии, поэтому логично предположить, что И. И. Лажечников сделал свои записи на границе со Смоленской губернией, например, в Ржевском или Zubцовском уездах, где также были распространены эти диалектные особенности.

Самой ранней тверской фольклорной записью является «Сказание о Ерше Ершеве, сыне Щетинове». Это вариант известной сказочной повести, не учтенный в научной литературе, хранится в ГАТО. Всего зарегистрировано 22 списка повести «О Ерше Ершовиче»; данный сюжет часто встречается и в изданиях фольклора. Тверской вариант записал В. И. Колосов в Тверском уезде от Егора и Арсения Ивановичей Мосягиных. Исследуя эту сказку, В. И. Колосов доказывал, что записанный им вариант попал на Тверскую землю из Великого Новгорода в начале XVIII в., что он отличается от других версий многочисленностью состава суда и изображением иной судьбы Ерша. В. И. Колосов отметил в тверском варианте местные реалии, в частности, реку Черную и Дудин монастырь, упраздненный в конце XVII в. Эти реалии указывают на то, что тверской вариант «Сказания...» был записан в нынешнем селе Дудино Калининского района, которое входило в состав Тверского уезда.

Раздел 3 посвящен *собирательской и исследовательской работе в XX — начале XXI в.* В 1920-е гг. кафедру литературы в Тверском педагогическом институте возглавлял Ю. М. Соколов, который руководил собирательской работой в губернии. Ю. М. Соколов одним из первых стал учитывать личность сказителя. При записи сказок он указывал имя и особенности исполнителя. В 1925 г. в селе Лошемяло Вышневолоцкого уезда он записал несколько сказок от А. Павлова, а также от Ф. Кувы из д. Никольское. Большинство этих текстов не сохранилось, только 24 сказки, записанные в 1920-е гг., опубликованы в своде «Фольклор Тверской губернии» (2003). Ю. М. Соколов рассматривал фольклористическую работу как одно из направлений краеведческой работы в целом. В связи с этим появилась потребность в систематизации материала, результатом чего стала статья ученика Ю. М. Соколова — Р. Р. Гельгардта об истории собирания фольклора в Тверской губернии. С 1935 г. в Тверском педагогическом институте начинает работать А. М. Смирнов-Кутаческий (публикация 18-ти сказок, собранных при участии А. М. Смирнова-Кутаческого и сохранившихся в его архиве, была предпринята в 2008 г.). Это записи 1928—1944 гг., сделанные студентами Калининского пединститута в ряде районов области. Большинство этих сказок встречаются часто и отмечены в «Сравнительном указателе сюжетов»: «Коза луплена», «Звериное молоко», «Сивко-Бурко», «Безручка». А. М. Смирнов-Кутаческий был автором докторской диссер-

тации «Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице». До сих пор бытует мнение, что «исторические корни» фольклорной сказки впервые раскрыл В. Я. Пропп (1946), а в дальнейшем они были уточнены и конкретизированы Е. М. Мелетинским (1958). Однако первым, кто предложил генетический подход к сказке, был не В. Я. Пропп, а именно А. М. Смирнов-Кутаческий: его диссертация защищена в 1942 г., но подготовлена уже в конце 1920-х гг., раньше В. Я. Проппа. А. М. Смирнов-Кутаческий справедливо указывал, что сказка отражает реальные явления жизни, и видел в сказке проявление идеологии, свойственной тому или иному времени. На примере сказок о мачехе он пытался объяснить (хотя несколько прямолинейно в духе своего времени) борьбу женщин за социальные права.

Новый этап в изучении и собирании тверской сказки начинается с 1980-х гг. Во-первых, это ежегодные экспедиции Тверского государственного университета и менее многочисленные экспедиции Дома народного творчества. Во-вторых, это экспедиции организаций, находящихся за пределами Тверской области. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. полевые исследования в Тверской области проводил Санкт-Петербургский РГПУ им. А. И. Герцена (руководитель О. Р. Николаев, 14 районов области). В ходе экспедиций было записано около 350 сказок, выявлено несколько профессиональных сказочников, но на данный момент по этому материалу имеются только 2 публикации.

Итак, издания тверских сказок до последнего времени были немногочисленны, пока в 1997 г. не появилась книжка Петра Акулова, а вместе с ней и термин *тверские сказки*. Эта книга явилась первой ступенью в идентификации тверской сказки как региональной. Следующим был сборник тверской народной прозы «Золотые зерна», своеобразный свод истории собирания тверских сказок. Кроме записей А. Н. Афанасьева, в него вошли сказки, записанные на протяжении всего XX в. Это материалы фольклорных экспедиций Калининского пединститута им. М. И. Калинина, тексты, извлеченные из ГАТО, документы из коллекции самой А. В. Гончаровой. В сборнике «Золотые зерна» более 300 сказок. Большинство сюжетов входят в сборники фольклора различных регионов и известны каждому русскому человеку.

В последнее десятилетие наметилась более узкая локализация в собирании и изучении материала. Вслед за сборниками областного фольклора стали появляться районные издания. Так, например, вышла небольшая книжечка А. Б. Намзина «Удомельские сказки» (21 сказка, записанная в 1996—2002 гг. в Удомельском, Бологовском, Рамешковском, Максатихинском районах). Обращение к материалам соседних регионов составитель объясняет прозрачностью границ между территориями и общей историей.

В настоящее время интерес к региональному фольклору продолжает расти. Небольшие коллекции сказок публикуются постоянно, издание ре-

гионального фольклора стало популярным явлением по всей России. И в этом отношении Тверская область не отстает от общероссийских показателей. За последнее двадцатилетие вышло 13 изданий, полностью или частично включающих публикацию и републикацию сказочной прозы. Но отдельных изданий тверской сказки по-прежнему очень мало. Многие собранные материалы тверской сказки до сих пор не только не опубликованы, но и не учтены. Немалое количество полевых записей прозаического фольклора Тверского края хранится в архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Петербурге, в Государственном архиве Тверской области (коллекция Л. В. Брадис и В. Г. Шоминой, доступ к которой закрыт), в архиве кабинета традиционной народной культуры филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, в Тверском областном Доме народного творчества, в личных архивах ряда собирателей.

Глава 2 «Народная сказка и наивное творчество. XX век» посвящена формированию авторского сознания у сказочников и наивному сказочному творчеству.

Раздел 1 «*Роль сказителя в народном творчестве*» описывает тверских мастеров устного сказочного слова. Значение рассказывания подчеркивается во всех национальных терминах, какими у разных народов называется этот тип произведений. Русское *сказка*, украинское и белорусское *казка*, польское *bajka*, французское *conte*, английское *tale*, немецкое *märchen* — все эти названия связаны со значением 'рассказывать'. Повествование, рассказывание является важнейшим признаком сказки, поэтому для сказки так важна фигура рассказчика.

Сведения о тверских сказочниках отрывочны и немногочисленны. В сборнике А. Н. Афанасьева и других ранних изданиях, где публиковались тверские сказки, имена сказителей (в отличие от места записи или имени собирателя) никогда не сообщались. Самыми ранними сказочниками Тверской губернии, о которых сохранились письменные упоминания, следует считать братьев Егора и Арсения Мосягиных, от которых было записано в конце XIX в. «Сказание о Ерше Ершеве, сыне Щетинове». Правда, из формулы В. И. Колосова «Найденное в пределах Тверской губернии Егором и Арсением Ивановичами Мосягиными сказание» трудно понять, кем были Мосягины: сказителями или собирателями; братьями или отцом и сыном.

А. В. Гончарова в сборнике «Золотые зерна» располагает тексты по рассказчикам и предлагает свою классификацию сказочников на основе их владения материалом. На наш взгляд, это членение излишне сложно. Мы предлагаем выделять всего два типа сказителей: собственно сказочники и просто информанты. К первому типу относятся те, у которых есть определенный репертуар, кто каждую сказку рассказывает не один раз. Таких сказочников осталось уже не так много. Они осознают свое значение и не теряются в догадках, что бы рассказать по просьбе собирателя. О таких

сказочниках знают, как правило, все жители деревни и при случае отправляют именно к ним. Второй тип сказителя — просто информант. Это практически любой человек, он рассказывает сказку по просьбе собирателя. Такие сказки отражают уровень грамотности и образования носителя: в них отражается всё слышанное и читанное им когда-то. Главным признаком, отличающим сказочника от информанта, является частотность воспроизведения им сказочного репертуара. Конечно, имеет значение и количество произведений в репертуаре: репертуар не может состоять из одной сказки, и объем репертуара прямо связан с частотой его воспроизведения. При классификации исполнителей, важнейшим моментом является определение характера репертуара, или «стиля» сказочника (Б. М. и Ю. М. Соколовы).

Среди сказочников в сборнике А.В. Гончаровой — 72-летний Николай Сидорович Сидоров, который обладал значительным и разнообразным репертуаром. От него в 1936 г. участница фольклорной экспедиции КГПИ А. М. Лашина записала 60 сказок (в сборник вошли 37, остальные записи не сохранились). Понятно, что человек, не имеющий отношения к рассказыванию сказок, не смог бы воспроизвести такое количество сюжетов. Из-за славы Николая Сидоровича как сказочника его хутор под Торжком называли Ясной Поляной, а его самого сравнивали со Львом Толстым.

В качестве информанта мы анализируем сказки, записанные в январе 2009 г. на Центральном рынке Твери от Т. В. Суминой, 1931 г. р., уроженки д. Кузьминка Рамешковского района. Т. В. Сумина сообщила два текста: сказку «Золотая рыбка» и бивальщину, которую она назвала сказкой. Место собирательства было выбрано вполне сознательно: базар — это место, где ярко проявляется самобытность нации. Т. В. Сумина является типичным информантом. Во-первых, на просьбу рассказать сказку она откликнулась только на следующий день, объяснив это тем, что «нужно вспомнить». Следовательно, у рассказчицы нет своего репертуара, она не осознает себя сказочницей, постоянно рассказывающей сказочные сюжеты. За время между первой и второй встречами Т. В. Сумина вспоминала, что когда-либо слышала, и на память ей пришло рассказанное ее бабушкой. Во-вторых, содержание сказки было передано достаточно скудными лексическими средствами, главной задачей было пересказать сюжет.

Раздел 2 посвящен *деятельности П. И. Акулова (1901—1962)* талантливого автора-самоучки из Тверской губернии. Произведения П. И. Акулова издавались дважды. Книга «Народная мудрость» (1961) включала авторские сказки и собранный Акуловым фольклор деревень Ведное и Рыжково Рамешковского района (были, загадки, пословицы). Книга «Тверские сказки» (1997) содержит ряд неизвестных ранее произведений. Экспедиции на родину Акулова в Рамешковский район и обращение к архивным материалам выявили неизвестные ранее тексты и уточнили его биографию. Петр Иванович Акулов родился в 1901 г. в селе Ведное Рамеш-

ковского района. Образование он получил скудное, потом служил в армии. Ему не было еще и тридцати лет, когда у него началась болезнь ног, приведшая к потере их. Именно тяжелые жизненные обстоятельства и необходимость вести в буквальном смысле сидячий образ жизни стали дополнительным импульсом к творческой деятельности, хотя еще с детства Акулов любил слушать и записывать от стариков сказки, были и небылицы, «которые в книгах не встречаются». По отношению к фольклорным текстам Акулов занимает двойственную позицию. С одной стороны, он выступает как собиратель: указывает место записи, порой упоминает имена информантов. С другой стороны, он вмешивается в фольклорный текст, и большинство его сказок воспроизведены по памяти, а не записаны непосредственно от исполнителя. К тому же Акулов применяет и опыт прочитанных художественных произведений. Это нормальный путь наивного писателя.

Такова, например, сказка «Копейка». Сюжет ее оригинален, события происходят во время золотой лихорадки в Америке. Действие начинается в Тверской губернии, затем переносится в Петербург, потом в Америку. Начало вполне сказочное: крестьянский сын Фома, отправляясь из отчего дома «за море-окиян», спрашивает дозволения у отца «счастья искать». Отец отговаривает сына от погони «за длинным рублем». Но Фома нарушает запрет и уходит. Новизна проявляется в том, что вместо тридцатого царства предстает мифологизированный образ Америки как золотого дна, а Петербург выполняет функцию перехода от своего мира к чужому (в традиционной сказке — мост). Мир столицы — не свой и не чужой по отношению к деревне, он просто безразличен к ней. Сюжетный ход (герой отправляется на заработки) широко распространен в фольклоре. Но в «Копейке» появляются детали, не характерные для сказки: полиция, суд, забастовка, доллар. Впрочем, этот ряд связан только с чужим миром, с цивилизацией, с городом. А при описании своего мира, деревни повествование в «Копейке» приобретает черты вполне традиционной сказки. Лейтмотивом текста является образ копейки. В чужих краях копейка оказывается единственной радостью для героя: она превращается в колесо Фортуны, в чем проявляется характерное для сказки чудесное начало. Движение колеса Фортуны приводит к постоянному возвращению к той точке, с которой оно началось. Колесо Фортуны становится образной формулой всего произведения: герой возвращается туда, откуда он начинает свой путь — в отчий дом. В европейской традиции Фортуна изображалась крутящей колесо, на котором одни люди поднимаются, а другие падают вниз. П. И. Акулов был знаком с этим символом. Вращающееся колесо Фортуны можно рассматривать как символ эволюции, прогресса. Оно останавливается именно в деревне, когда Фома перебирается с колеса на печь. Печь в крестьянском доме была одним из «центров святости». Всё возвратилось на круги своя. В противопоставлении колесу Фортуны образ печи характеризует застой и неподвижность. Хорошо, что Фома вернулся домой, но движение, про-

гресс остановились. Финал сказки открыт и обращен к читателю или слушателю.

Имея образование всего два класса, Акулов создавал свои произведения во многом интуитивно, он не учился профессионально писать и воспринимал приемы письма непосредственно из книг. Начиная с 1935 г., Акулов отсылает свои труды в Калининский педагогический институт. Здесь на его тексты пишут рецензии, в правке его сочинений участвуют профессионалы: фольклорист А. М. Смирнов-Кутаческий, литературовед, создатель музея С. Д. Дрожжина в селе Завидове Л. А. Ильин, заслуженный учитель школы РСФСР А. Д. Баранцев. Ощущая непреодолимое желание писать, но осознавая недостаток своего образования и не считая себя профессиональным писателем, Акулов сам обращался за квалифицированной помощью. Он не разделял народное и авторское начало, и ему не столь важно было, чье имя стоит на обложке книги, главным было стремление донести мысль до читателя. П. И. Акулов, с одной стороны, явился собирателем локального фольклора: с другой, — еще в середине XX в. в его творчестве проявились признаки явления, которое сейчас принято называть постфольклором. В его произведениях мы видим синтез авторского, народного начала и элементов наивного творчества.

Раздел 3 посвящен *современным наивным авторам Тверской области*. В последние годы исследователи народной культуры всё чаще сталкиваются с большим количеством письменных текстов, которые не относятся ни к литературе, ни к «письменному фольклору». За этим явлением уже закрепились термины: наивная словесность, наивное письмо, наивный дискурс. К «наивной литературе» относятся «художественные тексты, автор которых осознает себя как Автор (в отличие от фольклора); тексты, в которых неосознанно нарушаются нормы существующей литературной системы» (А. С. Башарин). В качестве одной из характерных форм «наивной литературы» является местная поэзия, т. е. произведения, посвященные родному городу, поселку — своей местности. Такое творчество очень распространено в настоящее время и поддерживается разными муниципальными конкурсами. «Наивные» тексты написаны в подражание литературным образцам. Неосознанные фольклорные реминисценции также являются признаком «наивной словесности». Примером такого творчества являются произведения Юлии Макаровой и Лилии Соколовой. Записи текстов произведены автором данной работы в ходе экспедиций по Рамешковскому району в 2006 г.

В диссертации рассматриваются произведения Ю. Макаровой как характерное явление самодетальной сказки. Процесс сказкотворчества у нее воспроизводит традиционные фольклорные модели: сначала сказка рассказывается, проговаривается, а уже потом записывается. На вопрос, есть ли в ее сказках фольклорные черты, Ю. Макарова отвечает в соответствии с традицией: «Маленько современность затронута и, конечно, на-

родные, наши». На самом деле, новизны в сказках Ю. Макаровой гораздо больше, но она этого не осознает и воспринимает свое творчество как «народное». Ю. Макарова говорит, что многие ее персонажи имеют традиционный характер, и только некоторые «на современный лад», потому что «повторять народные нет смысла, там всё сделано капитально». В этом высказывании мы уже видим отличие от традиционной культуры: сказочница проявляет установку на оригинальность, по сути, авторской позиции, а не на воспроизведение классических образов. Ю. Макарова считает, что изменение сказки естественно.

В одной из ее сказок общего названия нет, но она разделена на 11 глав, каждая из которых имеет заглавие. Например, глава 1 — «Странная старушка», глава 2 — «Баба-Яга» и т. д. Главный герой Вася Лодочкин путешествует по волшебному царству. В его образе обнаруживаются черты персонажа мультфильма «Ивашка из Дворца пионеров» (реж. Г. Сокальский, 1981). Как и Ивашка, Вася занимается в кружке радиотехники и вообще является положительным пионером: он старается всё делать почтеному. Сказочный царь небрежным отношением к своей должности (он периодически прячет корону в карман) напоминает царя из мультфильма «Вовка в тридевятом царстве» (реж. Б. Степанцев, 1965), где царь красит забор, пока книжки стоят на библиотечных полках. Жанр произведения со всей очевидностью напоминает повесть, что вызвано в первую очередь делением текста на главы. Но на самом деле это не так. Сама Ю. Макарова говорит, что написала сказку не за один раз. Первоначально текст был гораздо короче, и его напечатали в газете Рамешковского района «Родная земля». После этого люди стали просить Ю. Макарову написать продолжение: читатели задали привычную для них «сериальную модель» построения текста. Влияние телесериала захватило не только структуру, но и содержание произведения. Большинство персонажей у Ю. Макаровой те же, что и в традиционной, фольклорной сказке: Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Царь, Царевна, заколдованный конь-царевич. Конечно, Лесовик и Водяной обычно встречаются не в фольклорных сказках, а в быличках, но и они за пределы фольклорного сознания не выходят. Однако все персонажи существенно осовременены. Баба-Яга живет в избушке на курьих ножках, но выглядит как «тетенька» в спортивном костюме. Она знакома с техническим прогрессом: у нее есть пылесос, телевизор, холодильник, домашнее радио вещает новости Тридесятого царства. В сказках Ю. Макаровой синтезированы традиционные и современные мотивы и сюжетные схемы, навеянные телевизионной культурой, бытом и биографическими обстоятельствами. Здесь совместились, с одной стороны, наивное искусство и самодетельность, и с другой стороны, формы традиционного фольклора. Стремление к авторству вызвано тем, что из обычной жизни практически ушел рассказчик. Зона живого звучания сузилась даже у популярного жанра анекдота, который живет пересказом и вариативностью, так как

основным местом его бытования стали юмористические передачи и колонки газет. В сказке, как и в анекдоте, сильна энергия устной передачи, люди обращаются к сказке в поисках рассказчика в самих себе.

Глава 3 «*Современные тенденции в сказке*» посвящена современному состоянию фольклорной и литературной сказки.

В разделе 1 «*Полевые исследования последних лет*» описано собиранье народного творчества на территории Тверской области, которое проводит ТвГУ в рамках ежегодных фольклорных практик студентов филологического факультета. Но в последние несколько лет сказки встречаются крайне редко, за это время едва наберется пара полноценных текстов, в большинстве случаев качество записей оставляет желать лучшего: обрывочные фразы, повествование без начала и конца. Пожалуй, удачей можно считать лишь сказку «Снопорига» про ленивую жену, записанную в Оленинском районе.

В ходе экспедиций всё чаще от информантов записывают не длинные волшебные сказки с развернутыми сюжетами, а докучные сказки, состоящие из нескольких строк. Одной из причин того, что сказки стали встречаться так редко, является и то, что с внедрением новых информационных каналов: книг, телевидения, Интернета традиционная сказка как повествовательный, развлекательный жанр утратила свою актуальность и перешла в пассивную память носителей. А чтобы добыть ее оттуда, необходимы определенные усилия. Рассказывание сказки — это мини-спектакль, его воспроизведение требует определенных условий и психологического настроя исполнителя и слушателя.

Раздел 2 посвящен *литературной сказке Тверского региона*. После теоретического обоснования понятия *литературная сказка* и описания ее соотношений с народной, рассматривается литературная сказка Тверской земли XIX — начала XX в. — произведения С. Дрожжина и М. Козырева. В диссертации показано, что М. Я. Козырев в своем сатирическом произведении «Пятое путешествие Гулливера» продолжил традиции Д. Свифта, «Путешествия Лемюэля Гулливера» которого повсеместно приобрели значение сказки. Причина «сказочного» прочтения этого произведения заключалась в том, что первые части «Путешествия...» часто издавали в детском пересказе, причем гораздо большими тиражами, чем целиком, отсюда распространенное мнение читателей о «Путешествиях...» как о сугубо детской книге. Ведь если вычитывать из этого текста только сюжет, на что и ориентировано детское сознание, то произведение кажется сказкой: человек попадает в иные миры и встречается с совершенно нереальными персонажами — слишком маленькими или слишком большими, гадкими или идеальными. Как известно, Свифт писал сатирическое произведение. М. Я. Козырев продолжил эту линию, создав еще более резкую антиутопию «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера, капитана воздушного корабля, в Юбераллию, лучшую из стран мира, называемую также страной

лицемерия и лжи» (вышла в свет в 1991 г., подготовлена к печати в 1936 г.). М. Я. Козырева постигла участь главного героя произведения: он был вычеркнут из литературы на долгие годы. М. Я. Козырев создал произведение, не уступающее свифтовским, и затронул вневременную проблему, подметив стремление человека, находящегося у власти, к единоличному влиянию. «Пятое путешествие Гулливера» М. Я. Козырева можно назвать сказкой только по ассоциации с произведением Свифта, на самом же деле это сатирическая повесть.

Тверской край в первой половине XX в. был не богат литературными сказками. Конец XX и начало XXI в. оказались более продуктивным периодом в этом отношении. С 1994 г. Тверская областная универсальная библиотека им. М. Горького проводит ежегодную выставку «Тверская книга», по ее итогам издается библиографический справочник. За это время были учтены полсотни изданий литературной сказки. Это говорит о том, что интересующий нас жанр является достаточно востребованным. Сказочную прозу создают авторы из Твери и районов (Кимры, Ржев, Удомля и др.). В связи с этим встает вопрос, что означает словосочетание *тверской писатель*. Является ли таковым Е. В. Клюев, который родился в Твери, но впитал в себя другую атмосферу, столичную и заграничную? Или это А. С. Клюшина, которая приехала из Нижнего Новгорода, но укоренилась на Тверской земле? В литературе выдающиеся личности становятся всеобщим достоянием и выходят за рамки регионов. Но это не значит, что они не имеют каких-то специфически региональных черт. Среди современных и действующих писателей первым по возрасту профессиональным тверским сказочником (а значит, и по времени формирования как писателя) является Г. Р. Лагздынь, автор более 80 книг, среди которых не один сказочный сборник. Свои сказки Г. Р. Лагздынь называет познавательными, особенно ценя и подчеркивая в них достоверность фактов: «Сказку прочитал, что-то осталось, а это научно правильно». На страницах ее книг юный читатель находит истории о том, как делается бумага, спички, елочные игрушки, — все производственные процессы представлены в форме сказки. Еще в советское время Г. Р. Лагздынь предлагала редактору издательства «Просвещение» написать сказку про все химические элементы таблицы Менделеева, но эта идея не была поддержана. Познавательно-игровая форма произведений Г. Р. Лагздынь перекликается с ее общественной деятельностью, поскольку на протяжении многих лет она руководила детским музыкальным театром, получившим звание образцового и народного.

Е. В. Клюев известен как экспериментатор в области словесности. Чего только стоит его попытка написать произведение на измененном языке, где нет категорий числа и времени, простых обозначений цвета, сложноподчиненных предложений и почти неупотребительны местоимения. В 1997 г. Е. В. Клюев был номинирован на премию «Букер» за роман «Книга

тений», в 2004 г. получил «Серебряную Литеру» в номинации «Художественная литература» (художественная литература для детей) за книгу «Сказки на всякий случай». Спектакль по произведениям Клюева, поставленный на сцене РАМТа был признан лучшим детским спектаклем 2007 г. Сказки В. Е. Клюева поражают совершенством языка и пронизательностью. Они не вызывают бурю эмоций, но тихо подкрадываются к тайникам души и трогают до слез. Например, в сказке «Самая маленькая из звезд» у маленького бельчонка умерла мать, и ему сказали, что «ее унес ветер. Бельчонок заплакал: он знал, что ветер уносит навсегда». В сказках Е. В. Клюева нежность сочетается с комедийной остротой. В названиях пьес совмещается проза жизни и романтика, свободное течение жизни персонажей и философия: «Главкомандующая пушинка», «Великий художник современности по имени Губная помада».

Отвечая требованиям современности, А. Ключина на материале своей сказки «Про Тошечку и Бошечку» в 2007 г. смоделировала оригинальную компьютерную игру. В таком построении отражаются основные тенденции постмодернизма: предельно субъективное, основанное на воспроизведении подсознательных образов творчество, где герои «выковыривают кукушку из часов и кидают ее в кактус», потому что так привиделось автору, где крыжовенное варенье — это варенье не из крыжовника, а из каких-то ведомых только автору крыжечек. Столь же предельно субъективны и многочисленные изобретения Бошечки: идеепроектор, который он использует для проецирования мыслей на бумагу, аквариум с устройством автоматического кормления сверху, которое можно включать акварубильником. Говоря современным компьютерным языком, из предложенной авантюры получился неплохой квест, сказка нашла себя в виртуальном пространстве.

Суммируя весь изложенный материал, мы приходим к выводу, что говорить о существовании региональных типов литературы в XIX в. у нас нет оснований. Профессиональный писатель, которого можно рассматривать как явление регионального литературного процесса, сформировался только во второй половине XX в., чуть позднее, чем появились региональные варианты наивной и массовой литературы. Одним из первых явлений этого рода была вологодская литература, но к концу XX в. стали формироваться и пермская, и другие региональные литературы. В отношении тверских авторов такого понятия до сих пор не существовало.

Между тем в русской критике и литературоведении XX в. неоднократно предпринимались попытки классифицировать русскую литературную сказку, среди которых выделяется опыт Б. Полевого: «творческая обработка народных сказок» (П. Бажов, А. Толстой, Д. Нагишкин), «создание поэтических сказок о природе» (В. Бианки) и «веселая, озорная сказка-шутка» (К. Чуковский). Мы видим как в современной литературной сказке проявляются новые типы: сказка постмодерна и сказка-фэнтэзи. основан-

ная на свободном развитии фантастического сюжета. При этом мы разграничиваем понятия авторской сказки (в том числе и наивной, самодеятельной) и сказки литературной (собственно профессиональной). Авторская сказка — это продукт вымысла создателя, литературная сказка учитывает предыдущий опыт фольклора и литературы. Разумеется, данная классификация может быть применена и к сказкам других регионов, так как отмеченные тенденции везде одинаковы. Наша классификация свидетельствует, что жанр сказки в Тверском регионе существует в различных модификациях и представлен в творчестве многих авторов.

1. Познавательная сказка. Произведение представляет собой историю познавательного характера о явлениях окружающего мира. Текст строится по закону сказки, где всё заканчивается хорошо; очень часто присутствует элемент морализаторства; возможны фольклорные реминисценции. Г. Лагздынь, Н. Метлина.

2. Сказка постмодерна. Собственно авторская сказка. В ней отсутствуют фольклорные реминисценции; сказочные образы являются порождением вольной фантазии автора; сюжетная линия не подчиняется каким-либо законам, финал произведения не должен быть непременно счастливым; в сказке отсутствует морализаторство. Е. Клюев, А. Клюшина, О. Козлова.

3. Сказка-фэнтэзи. В последнее время авторская сказка нередко соотносится с жанром фэнтэзи. Сказочные повести Е. А. Мичуриной «Мальчик с планеты Дидо», «Лунная экспедиция».

Как видим, сказка превратилась в чрезвычайно открытую структуру, подверженную влияниям общих тенденций в искусстве, в частности постмодерна.

Раздел 3 «Новая реальность сказки» посвящен современным тенденциям в развитии сказки. Главными законами современной культуры, культуры индустриального и постиндустриального общества являются подвижность социальных границ и быстрая смена культурных ориентиров, вследствие чего на место установки на традиционализм приходит установка на новаторство. В результате этого кажется, что в постиндустриальном обществе происходит невозвратное затухание традиционной народной культуры. Но это не совсем так, фольклор продолжает развиваться, он перерождается, но уже выступает с приставкой *пост-* как явление того же порядка, но несколько иное. Для обозначения народной культуры в современных условиях различными исследователями был введен ряд синонимичных понятий: *постфольклор*, *примитив*, *третья* (или *промежуточная*) *культура*.

Главное различие между собственно фольклором и постфольклором функционально. Раньше фольклор был единственной системой, которая кодифицировала жизнь народа, в современном обществе рядом с ним находятся огромные по своим размерам информационные системы: пись-

менная культура, массовая культура, «наивное искусство», телекоммуникации (М. В. Строганов). Сказка уверенно чувствует себя в Интернет-пространстве. По мере того как Интернет занимает всё более внушительное пространство, он всё чаще замещает привычную нам реальность, что оказывается одной из важнейших издержек процесса глобализации. Социологические исследования показывают, что виртуальная паутина вытесняет телевидение, потому что телевидение имеет монологическую природу, а Интернет основан на диалоге и даже полилоге. Виртуальное пространство становится привлекательным полем для различных массовых проявлений, мировая Сеть предлагает безграничные площади, которые оказываются удобными для обитания. Одним из первых поселенцев Интернета стал фольклор вследствие сходства установок Интернета и фольклора на массовость. Интернет выполняет две важнейшие функции по отношению к сказке как явлению фольклора. С одной стороны, он играет роль запасника накопленной поколениями информации, с другой — продуцирует процесс новообразования. Интернет и фольклор — это две открытые системы, в которые в любой момент может включиться новый автор. Например, на одном из форумов для женской аудитории, посетительницы развлекались, представляя, как бы сюжет о «Красной шапочке» изложили мастера мировой литературы: Э. По, Д. Лондон, О. Уайльд, М. Зощенко.

В настоящее время наблюдается настоящая эпидемия сказкомании, характерная, прежде всего, для столичных городов и мегаполисов. И в значительной степени сказкомания может быть приложением усилий современных PR-технологов. Ведь через сказку проще всего, так сказать, залезть в душу потребителя текста.

В середине XIX в., когда фольклористика только начинала самоопределяться в качестве научной дисциплины, собиратели имели дело с обширным репертуарным слоем, в котором доминировал крестьянский, архаический, классический и позднетрадиционный фольклор с его достаточно жестко структурированной и богатой системой образов, сюжетов, жанров. Современный же этап развития словесности характеризуется мозаичностью, поливекторностью, активным взаимодействием различных по происхождению (анонимных и авторских) и способу функционирования явлений: устных или письменных, художественных или включающих элемент художественности. Он представляет творчество (как любительское, так и профессиональное) всех социальных слоев и тяготеет к разным видам художественных культур: традиционной, элитарной, массовой. Подвижность границ связана с непрерывной мутацией самого фольклорного текста, вызванной необходимостью включения в него новых явлений и отражения в нем новых аспектов исторической действительности.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

10 -

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Быстрова К. В. «Образ» Бога в тверской фольклорной сказке // Детская литература и воспитание: Сб. тр. Международной научной конференции «Детская литература и воспитание», Тверь, 12—14 мая 2005г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 68—72.
2. Краткое изложение диссертации А. М. Смирнова-Кутаческого «Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице». Подготовка текста К.В. Быстровой. Примечания К. В. Быстровой и М. В. Строганова. Вступ. заметка М. В. Строганова // А. М. Смирнов-Кутаческий. Личность и научное наследие / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. С. 54—62.
3. Тверские сказки из архива А. М. Смирнова-Кутаческого / Публикация и примечания К. В. Быстровой // А. М. Смирнов-Кутаческий. Личность и научное наследие / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. С. 128—167.
4. Быстрова К.В. Интернет как современный ареал бытования сказки // Филология и человек. 2009. № 1. С. 166—171.
5. Быстрова К. В. Современная тверская сказка (Рамешковский район) // Тверское фольклорное поле 2007: Доклады и публикации /Ред. М. В. Строганов. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 49—55.
6. Бабковская К. В. Базар как фольклорный локус // Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2010. Вып. 2. С. 62—66.

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 09.09.2010. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1.25. Тираж 100 экз. Заказ № 349.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.